

ХАНДРА

НОРБЕРТ МО

СИНКОПА | ЭМПАТИЯ | ХАНДРА
СБОРНИК ТРЁХ ВЗАИМОСВЯЗАННЫХ ПОВЕСТЕЙ

Норберт Мо

Хандра

«Издательские решения»

Мо Н.

Хандра / Н. Мо — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-502729-0

Синкопа — история виолончелиста, сценарий к жизни которого был продиктован ему стихотворением, услышанным в возрасте девяти лет. Эмпатия — семидневная хроника необъяснимых событий вблизи безымянного острова. Хандра — узнав о смерти отца, молодой художник по имени Йонас направляется к заброшенному отелю, доставшемуся ему по наследству. Удастся ли понять герою, что находится в черном конверте, определившем его судьбу?

ISBN 978-5-00-502729-0

© Мо Н.

© Издательские решения

Содержание

Синкопа	6
1.1	6
1.2	9
1.3	14
1.4	16
1.5	19
1.6	22
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Хандра

Норберт Мо

Редактор Екатерина Ивановская

Корректор Екатерина Ивановская

© Норберт Мо, 2019

ISBN 978-5-0050-2729-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Синкопа

1.1

Массивное окно, упираясь своим видом в соседнее здание, пропускало лишь несколько лучей солнечного света. В зависимости от поры года, время, когда я мог нежиться под этими лучами у себя в комнате, постоянно менялось. И все же именно эта привилегия, которая не отличалась особенностью повторяться тогда, когда мне это было нужно, давала мне шанс увидеть, как незримый слой пыли блуждал по моей комнате. Она оседала не только на предметах, расположенных горизонтально, как например, тумба у моей кровати, но также и на тонких стенах, которые сотрясались по утрам из-за ударов по ней моего соседа. Всеми виной скрипящее ложе, в котором каждую ночь спит мертвец, играющий на смычковых инструментах.

Я, родившись без права выбора, взгромоздил на себя тяжелый груз под названием «жизнь». Еще будучи ребенком, наделенным уникальным даром противостоять собственному счастью, мне приходилось часто иметь дело с трудностями, которых можно было избежать без особых усилий: будь то горькая правда, неуместно озвученная мною при родителях, или насмешки сверстников, пытающихся понять мои иррациональные действия.

Хватило бы одного моего взгляда, чтобы понять необъятную историю печали, сочащуюся из-под моего кожного покрова.

Дни проходят незаметно, когда в них нет ничего необычного. У меня, как и у многих людей, живущих в этом мире, было свое расписание, которому я пытался следовать. Исходя из этого, я не мог не заметить, что мое существование отличалось некой эксцентричностью, ведь я был не тем существом, которое просиживало свои новые классические брюки в одном из многоэтажных элитных зданий. Я с уверенностью мог утверждать, что та жизнь, на которую обречены люди, подсчитывающие свои сбережения вновь и вновь, никогда не будет похожа на жизнь простого уличного музыканта. Стоя на своих двух ногах в старых башмаках по несколько часов в день, я все чаще подбивал их подошву гвоздями, стараясь не думать о том, что я начинаю разваливаться на части. Скрипка стала меня тяготить, и потому, сколотив из гвоздей и старого ящика для посылок табурет, я, направляясь на свой привычный бульвар, держал в одной руке свою незамысловатую конструкцию, а в другой старую виолончель. Мне казалось, что людям нужно разнообразие, несмотря на то, что они никогда не обращали должного внимания на человека со скрипкой. Во всяком случае, мне еще не доводилось встретить музыканта, играющего на подобного рода инструменте посреди улицы. Если быть честным в нашем городе нет мне подобных, но здесь нечем гордиться и нечего стыдиться: быть уникальным в наше время не значит ровным счетом ничего. Только благодаря моей инициативе денег хватало на то, чтобы изредка купить себе немного еды. Комната, в которой я живу, стоит не так уж и дорого, однако, чтобы продолжить обитать в родных хоромах, на прошлой неделе мне пришлось продать контрабас, который принадлежал моему отцу – музыканту местного оркестра. Меня удивило лишь то, что покупатель пришёл вместе со своим футляром, оставив мой на том же месте, где он и пылился все это время. Казалось, я всегда поступал так, как того хотел мой отец, правда, он никогда не говорил об этом вслух. Его вечные разговоры о музыке и блеск в глазах дал мне понять его бесконечную любовь по отношению к тому, что он делает. Наше общение с ним ограничивалось лишь обрывками ничего не значащих фраз, и порой эта недосказанность приводила меня в ступор.

Единственное, чем я мог гордиться после стольких лет социального давления, так это то, что мне удалось остаться собой, несмотря на все трудности, которые возникают перед замкнутыми людьми вроде меня. Несмотря на мою расшатанную психику, я всегда отличался

непоколебимым спокойствием, которое вызывало у людей некое подозрение по отношению ко мне. Всматриваясь в моё лицо, они пытались сжать меня, словно лимон, оставив лишь корку, от которой нет толку. Таким образом, мое окружение пыталось найти во мне то, что было им присуще. Люди не понимают, как они неосознанно превращают свой мир в подобие повторяющейся виниловой пластинки, застрявшей в граммофоне прошлых лет. В моей жизни не было ничего, кроме того, что я создавал каждый день внутри себя, словно слепой архитектор, играющий на своей виолончели. Мне никогда не доводилось размышлять о жизни и о своем месте в этом необъятном мире, наверное, потому что для меня это не имело никакого значения. Узнав о высадке человека на луну, жизнь не стала более интересной.

На улице шел небольшой дождь и все, чего мне хотелось в тот момент, так это небольшой чашки крепкого кофе, который дал бы мне сил дойти до своего дома. Я всегда заходил в кофейню на близлежащей улице. В этом месте было так мало людей, что мне не приходилось чувствовать себя ущербным, находясь здесь не целые десять минут. Более того, на стенах этого заведения висели картины местных художников, которые время от времени менялись.

– Кофе, пожалуйста, – сказал я женщине за прилавком.

Ее глаза были такими большими, что мне было неловко смотреть на неё больше двух секунд за вечер. Она знала того мертвеца, что не ест целый день, а вечером, приходя к ней, заказывает одну чашку кофе.

– Без сахара? – спросила она.

– Да, если можно.

Каким бессмысленным казался этот вопрос, учитывая то, что она задавала его каждый день, не меняя своего привычного недовольного выражения лица. Присев за свой столик около окна, я наблюдал за тем, как на улице все больше искусственного света поглощало тьму, наступившую сегодня так скоро из-за перевода часов на зимнее время. Однако, погода в этом городе не предвещала каких-либо перемен. Когда мне все же принесли чашку кофе, я вдруг вспомнил сегодняшней сон, над которым мне пришлось думать во время своей игры.

Я оказался в темном, пыльном помещении, напоминавшем мне мою берлогу, в которой я каждую ночь засыпал в предвкушении следующего утра. Я видел пыль, клубившуюся в тусклом свете ламп. Впереди стояла девушка. Она стояла ко мне спиной. Ее волосы были собраны карандашом, который торчал прямо из ее головы, и я не мог понять, кем же она является. Несмотря на то, что я ничего не знал о ней, я страстно желал познать ее душу. Среди пугающей темноты я взывал о том, чтобы она повернулась ко мне, но она, делая незначительные жесты рукой, будто поправляя свои густые волосы, не сделала ничего, что помогло бы мне понять, слышит ли она меня. Ясно было одно: девушка не хотела, чтобы я ее узнал. Вдруг мне становится так страшно, что я решаю попытаться рассмотреть ее лицо, но как только я начинал к ней приближаться, она тут же отдалялась на несколько шагов назад. Мне было так трудно идти, словно я застрял в каком-то болоте и не могу выбраться оттуда. Мои глаза, против моей воли, вновь смотрели в затылок этой незнакомой девушки. После многочисленных попыток я протянул свою руку, чтобы дотронуться до ее плеча, и затем, моля о том, чтобы это прекратилось, я просыпаюсь. Мое тело было покрыто холодным потом, вызвавшим во мне глубокое чувство отвращения.

Допив свой традиционный кофе, я вышел на улицу, чувствуя холодный ветер, прикасающийся к моему лицу. Обычно, когда я шёл по улицам своего города, то не хотел встречаться взглядом с кем-либо. Именно поэтому мои глаза всегда смотрят под ноги.

Мне не приходилось ставить себе диагноз, однако, если бы это нужно было сделать, я бы ответил, что «я – всего лишь человек». Кто-то начинает карьеру артиста, чтобы играть на сцене, раз за разом притворяясь, что он – это роль, которую ему приходится играть. Я же был тем самым артистом на большой сцене, только мою роль могла бы сыграть и картонная копия, ничем не отличающаяся от меня. Зрители в восторге, они смеются надо мной, видя во мне тот

самый недостающий элемент идеальной пьесы. Все, что мне было нужно, чтобы обрести покой, это спрятаться в футляре от виолончели, и заснув, возможно, мне удастся услышать тихий голос господ.

Дождь не переставал идти, стекая вниз по моей физиономии, достойной лишь места на доске подозреваемых. В такую погоду невозможно было разглядеть ничего, кроме того, что тебе и так известно. Проходя мимо здешнего костёла, построенного из кирпича, цвет которого напоминал мне густую кровь, стул, сделанный из почтового ящика, выпал из моих мокрых рук. Подняв его, я ощутил чьё-то присутствие, из-за которого мне стало не по себе. Справа от меня я увидел человека в инвалидном кресле, сидящем напротив статуи Иисуса Христа из чёрного мрамора, возведенной возле костёла несколько лет тому назад. Мне не было понятно, зачем он там сидит в проливной дождь, однако, я не был тем человеком, который поинтересуется все ли у него в порядке. Я не был в состоянии помочь даже себе, жалея собственные сбережения на покупку зонта, который не вынуждал бы меня мокнуть этим вечером. Пройдя несколько шагов, я обернулся, чтобы вновь увидеть этот образ, вызвавший у меня столь противоречивые эмоции. Сидя в своём инвалидном кресле на том же месте, глаза человека смотрели на меня, и видит бог, сквозь такую ненастную погоду я видел, как шевелились его губы, приговаривая что-то, чего я не мог услышать. Почувствовав учащенное сердцебиение, мной овладел страх. В тот момент я остро ощущал каждое изменение в моем теле, то, как сухо стало во рту или то, как сильно расширились мои зрачки, словно меня вновь начинала мучить бессонница. Вдруг он поднял руку и начал махать мне, прекратив свое немое бормотание и тогда, не выдержав больше ни секунды, я побежал в сторону дома, оставляя за собой незримые следы отвращения. Споткнувшись о камень, лежащий посреди тротуара, я упал на землю. Тогда-то стул, вылетевший из рук и упавший на землю, развалился на части, доказав мою теорию о том, что я был пригоден лишь для исполнения музыкальных композиций. Не оборачиваясь, я встал с мокрой земли и продолжил свой бег, все крепче держась за ручку от футляра, в котором находился смысл моей жизни.

Спустя несколько минут я уже был в своей комнате. Знакомая обстановка успокоила меня, создав чувство безопасности. Кроме того, заплатив за проживание деньгами, вырученными за контрабас, я вновь мог включать безнадежное отопление, все раньше засыпая по ночам. Я пытался не думать о том, что сегодня произошло, и потому, стоя перед зеркалом в ванной комнате, мне никак не удавалось застирать брюки, которые стали грязными после моего падения.

Порой мне приходилось всматриваться в свое лицо часами, не находя в нем ничего нового – все те же морщины на лбу, все тот же несчастный взгляд. Однако сегодня, раз за разом вглядываясь в свое отражение, я все сильнее хотел от него избавиться, завесив зеркало какой-нибудь тряпкой. Я повесил брюки на спинку стула около обогревателя, чтобы к завтрашнему утру они были уже сухими. Откинув прочь все свои мысли, я решил пораньше лечь спать, продолжая делить свое скрипящее ложе вместе с самим собой.

1.2

Никогда до сегодняшнего дня я не спал так спокойно, как этой ночью. Услышав пение птиц за окном, за которым их никогда не было, я ощутил непривычное тепло в своей постели, которое не давало мне повода встать на ноги. В такие моменты было непонятно, спишь ли ты на самом деле или незаметно для себя начинаешь бодрствовать. Повернувшись на левый бок моя рука дотронулась до чего-то мягкого. Резко открыв глаза, я увидел перед собой то, что ожидал бы увидеть лишь во сне. В моей постели, которая всегда была наполовину пуста, теперь лежала обнажённая девушка. Вскочив с кровати я застыл с открытым ртом и не мог поверить своим глазам. Медленно повернувшись в сторону окна, я вновь переживал ночной кошмар, который никак не мог закончиться: когда ты пытаешься проснуться, но, как всем известно, сон прекратится лишь с чувством глубокого испуга. Оперевшись руками об подоконник, я зажмурил глаза и посчитал до десяти, чтобы понять правда это, или вымысел моего подсознания. Открыв глаза и посмотрев на свою мятую постель, мне вновь пришлось увидеть человека, находящегося в моей комнате по необъяснимой причине. Глаза девушки были закрыты, и она, словно в тесном гробу, лежала на левой половине моей кровати, держа руки вдоль своего тела. Шаг за шагом я все же приблизился к ней и медленно нагнулся, чтобы услышать ее дыхание. Ничего не услышав, я приложил руку к мягкой шее, чтобы проверить ее пульс. Лишь после того, как я твёрдо убедился в том, что она мертва, моя паника обострилась и я совершенно перестал понимать, что со мной происходит. В беспамятстве, я упал на пол и тихо зарыдал. Я вновь и вновь прокручивал в голове вчерашний день, закончившийся для меня так же, как и любой другой, за исключением нескольких деталей, которые не помогали собрать все воедино.

Мне вдруг вспомнилось детство, когда я, будучи совершенно неопределённым по поводу своего будущего, ходил на поэтические вечера, проходившие прямо под открытым небом заброшенного амфитеатра. Я помню ту сцену, где люди пожилого возраста и разных социальных положений зачитывали монологи собственной души. Их ноги не дрожали, и голос был полон эмоций. Слово за словом, из которых были сплетены целые судьбы, имели непосредственное значение к тому, что происходило в момент их чтения. Мне никогда не доводилось выходить на ту сцену, где эмоции переполняли чашу весов, отчасти потому что мое предрасположение к поэзии было сравнимо с птицей, пытающейся долететь до другой планеты. Более того, характер, которым я был наделен, никогда бы не позволил мне приблизиться к ступеням, ведущим наверх.

Одним холодным вечером, я, как и всегда, сидел на своём привычном месте в зрительном зале того самого амфитеатра. Люди уже начинали расходиться по домам, как вдруг я увидел старика с бумажкой в руках, приблизившегося к микрофону. Сидя в последнем ряду, мне приходилось вслушиваться в каждое слово, произнесенное автором во время чтения своего произведения. Старик же, заявив о своем приходе тяжелым дыханием, с легкостью разносившимся по окрестностям, остановил людей, вставших со своих мест. Казалось, я запомню то стихотворение на всю жизнь, однако, сейчас я мог вспомнить лишь первые строки:

*«Вновь я в тебе живую вижу,
Вонзая нож по рукоять,
Люблю тебя и ненавижу,
Во сне, явившемся мне вспать».*

Мне снова девять лет, мои глаза были открыты, как никогда раньше, а мои вены чувствовали, как по ним протекает бордовая кровь. Вспомнив об этом человеке, руки которого так

сильно тряслись, что могли выронить стакан с водой, я увидел некую незримую связь, соединявшую забытое прошлое с неопределенным настоящим. Встав с пола своей берлоги, я попытался взять себя в руки. Умыл лицо холодной водой из-под крана и пробовал сообразить, что мне нужно сделать. Порой мне было очень трудно сконцентрироваться на происходящем, из-за чего эмоции, которые я должен был испытать, оставались где-то позади. Придя к логическому умозаключению, что мне не понять, откуда в моей комнате труп молодой девушки, я решил придумать, как было бы лучше избавиться от нее, не вызывая никаких подозрений. Заявив я полиции о том, что со мной произошло, меня тут же упрятали бы в тюрьму. Поэтому я решил никому об этом не говорить. Я смотрел по сторонам в надежде найти ответ на свой вопрос и увидел пустой футляр от контрабаса, лежащий на моем шкафу. Скинув футляр на пол, мои соседи снова застучали по стене, словно дятлы по толстой коре молодой древесины. Мне нужно было придумать, куда отнести девушку, чтобы ее никто не нашел, а если бы это и случилось, то оставить ее где-нибудь, где моя причастность была бы полностью незамеченной. Первое, что мне пришло в голову, это то, что в трех кварталах от меня находился пляж с открытым входом на пирс. Учитывая здешний климат там всегда было так безлюдно, что порой мне казалось, что в этом городе никто не любит море. Я уже было приближался к ней, чтобы положить тело вовнутрь футляра, как вдруг остановился и присел на кровать около неё. Казалось, до этого я ни разу не взглянул на эту девушку по настоящему, так, как смотрел бы на живую. Мною, безутешным и меланхоличным человеком, овладела красота женского тела, недоступная мне в течение многих лет. Я чувствовал свое второе рождение, словно я освободился от стен другого человека, которые ограничивали меня от страстей, царивших на этой земле. Насколько прекрасным было ее телосложение, несравнимое с женщинами на лучших полотнах великих художников. На вид ей было около двадцати пяти. Ее грудь, словно вылепленная из глины, имела столь идеальную форму, что я, в безмерном молчании, начинал боготворить оболочку, в которой когда-то теплилась жизнь. Ее лицо было таким выразительным, что в каждой мелочи мне приходилось видеть идеальные черты неидеального мира. Единственное, что было мне неподвластно – это глаза, которые она не могла мне показать, сколько бы она ни пыталась. Дотронувшись до ее темных волос, я перестал чувствовать биение своего сердца.

Я вообразил себя трупом, лежащим рядом с ней. На мгновение жизнь показалась мне бессмысленной, ведь рядом со мной была истинная красота, которую невозможно было постичь за те короткие секунды моего подлинного восторга. Мне трудно было описать свои эмоции, глядя на нее, и, в полном замешательстве, я вновь стал узником собственного страха. Взяв тело на руки, я в последний раз взглянул на ее лицо, казавшееся мне божьим промыслом. Я аккуратно положил девушку в футляр и без каких-либо проблем закрыл его. Часы на стене показывали одиннадцатый час.

Я решил поскорее одеться, чтобы осуществить задуманное и сконцентрировавшись на своих мыслях, принялся облачаться в привычную для повседневной жизни одежду. Брюки, которые я застирал вчерашним вечером, высохли. Накинув пальто до колен, я вскинул на свои плечи футляр от контрабаса, в котором находилась неизвестная, и открыл двери своей комнаты. Мои ноги тряслись так сильно, словно я находился на борту судна, которое попало в эпицентр сильнейшего шторма. Пение птиц, которое разбудило меня этим утром, прекратилось также неожиданно, как и мой сон, о котором мне довелось вспомнить лишь на следующий день.

Выйдя из здания и не встретив ни единой души, я повернул налево, чтобы идти маршрутом, по которому шли лишь приезжие, искавшие в этом городе пристанище для удовлетворения собственных потребностей. Они всегда отличались некой сообразительностью, присущей лишь людям в непривычной обстановке. Их глаза кричали о том, что они жаждут приключений. Проблема заключалась в том, что этот город не встречал гостей с распростертыми объятиями. Именно поэтому я породнился с этим одинокими улицами и архитектурой, частью которой мне доводилось себя чувствовать. Сегодня было пасмурно, но дождь, вопреки своему

желанию, не прикасался к жителям знакомых мне бульваров. В городе было так пусто, что на минуту я почувствовал себя в безопасности. На моем месте думать о подобном было крайне глупо, ведь на моих плечах был труп молодой девушки, о которой я ничего не знал. С моим худощавым телосложением, мне было так тяжело нести ее, что каждую секунду своего пути я старался придумать новые пути решения своей проблемы. Но поиски были безуспешны. Трудности, с которыми я столкнулся, возымели физический характер, ни в коей мере не притупляя морального ущерба, нанесенного мне сегодняшним утром.

Вдруг из-за угла появился человек с собакой на поводке. Я помнил его лицо, которое днем и ночью выражало недовольство и непричастность по отношению к происходящему вокруг него. Перейдя на другую сторону улицы, футляр, крепко висевший на моих плечах, упал на землю. Незнакомец, не проявлявший ко мне ни малейшего интереса, взглянул на меня с ненавистью, когда его собака, словно обезумевшая, принялась кидаться на меня с громким лаем, срывающимся в утробное рычание. Во мне бурлил адреналин и мои глаза выдавали мое невразумительное состояние. Быстро подняв чехол и взвесив его на свои плечи, я пошел дальше, стараясь не оборачиваться. Почувствовав дикий голод, я принялся глубоко дышать, чтобы кислород заполнил мое тело изнутри и не давал мне упасть на колени. Я видел в этом что-то блаженное, словно сама душа прикасалась к потаенному чуду, которое невозможно было узреть. Мне так хотелось закрыть глаза и приблизиться к тому, что я ощущаю внутри себя, однако, делать этого я не стал, опасаясь своего состояния. Повернув за старой антикварной лавкой, я почувствовал привкус соли, жгущей мою рану на губах.

Ветер становился все сильнее, из-за чего мне было труднее идти вперед. Я поднял свои печальные глаза и увидел море, волны которого бились о скалы так сильно, что мне как будто удалось заметить незримую дрожь многовековой породы.

Как я и предполагал, на пляже не было ни души. Я снял со своих плеч футляр от контрабаса и положил его на песок. Сделав вид, что пришёл сюда с целью лицезреть морские просторы, мне пришлось в голову присесть и вжиться в роль. Переведя дух, я начал смотреть по сторонам. Однако вокруг не было ни единого сооружения, в котором кто-либо мог наблюдать за мной сквозь разбитые окна. Не было и пары, которая пришла бы сюда, чтобы утолить жажду своих безнадежных отношений каплей неистового счастья. Встав на ноги, я взял футляр в руки, и, подойдя поближе к краю, что есть сил, швырнул его в морскую пучину. Недолго думая, волны подхватили тело, спрятанное в месте, предназначенном для транспортировки музыкального инструмента. Я смотрел на то, как она отдаляется от меня и в ту минуту до меня дошло, что, возможно, это был один из тех шансов заполнить мою пустоту, разрывающую мое сердце на части. Замешательство имело духовный характер и лишь в моих руках было решение собственных проблем. Внутри меня не было ничего, что имело бы подлинной ценности. Ощущать подобное было неспособен и потому я двинулся вперед, зная, что поступаю правильно. Я помню песок, который поднимался вслед за моими шагами, и ветер, противостоящий моему желанию.

Прыгнув в море, я ощутил дикий холод, но вопреки всему, я плыл к футляру. Одежда прилипла к моему телу, волны били мне в лицо, создавая все больше преград на пути к спасению и без того мертвого человека. Более того, я вспомнил, что на обратной стороне ручки из стали были выгравированы инициалы и фамилия моего покойного отца. Людям, нашедшим ее посреди океана, было бы очевидно, кого следовало бы им найти, чтобы ответить на несколько незаурядных вопросов. Схватившись за ту самую ручку, я поплыл в обратном направлении, моля о том, чтобы выбраться оттуда живым. Было очень сложно грести одной рукой и потому, поджидая волны, направлявшиеся к берегу, я поднимал свое тело, чтобы поскорее добраться до суши вместе с ними. Спустя минуту меня уже выбросило на песчаный берег подобно мертвой рыбе. Освободившись от морских объятий я почувствовал холодный ветер, знобивший

меня изнутри. Я так нуждался в тепле, что незаметно для самого себя поднялся на ноги и снова взвесил на свои плечи до боли тяжелый груз, чтобы пойти в обратном направлении.

Мне мерещился дом, в котором я вырос. Я нежился в материнских объятиях, которые дарили мне столько тепла, сколько никогда и не получал за всю свою треклятую жизнь. Пожалуй, мой теперешний вид оттолкнул бы и самого последнего бездомного на этой планете. На одежде, насквозь промокшей, было много песка, который осыпался на землю с каждым моим неуверенным шагом. Я думал о том, что совершил, и никак не мог прийти к логическому объяснению, которое оправдало бы меня в моих же глазах. Почувствовав себя кем-то другим, я словно дикое животное поддавался неким инстинктам, которые были мне не присущи. Все, чего я хотел в тот момент – это как можно быстрее оказаться в знакомых четырех стенах, и согреть свои конечности, чтобы не думать о том, что через несколько дней меня погубит какая-то неведомая болезнь. Улицы, несмотря на короткий промежуток времени, уже кишели людьми, проявляющими нездоровый интерес к моей персоне. Я же, не поддаваясь на их провокации и усмешки, продолжал изучать асфальт. Один из прохожих, проходя мимо, окликнул меня свистом и подойдя ко мне вплотную, я понял причину его действий.

– Сколько? – спросил он, вдыхая табачный дым.

– Я не понимаю, о чем вы.

Возможно, я слишком боялся смотреть людям в глаза, чтобы не вызывать подозрений и потому, взяв себя в руки, я поднял голову и следил за его взглядом, оценивающим то, что невозможно было оценить, не открыв футляр.

– Твой контрабас, сколько ты за него хочешь?

– На самом деле, он уже продан, – ответил я в спешке.

Человек, поправляя свою шляпу, скинул на меня пепел и не сказав ни слова, пошёл в сторону промышленного района. Почему-то теперь во мне не было того страха, что кто-то может узнать о моей тайне. Лишь освободившись от цепей, которые сковывали мои руки, я по-настоящему понял, чего же я хочу на самом деле. Однако, боясь озвучить это даже в своих мыслях, я все еще боролся со своей противоречивой натурой.

Поднявшись, наконец, по спиральной лестнице жилого дома, я оказался в своей берлоге, где всегда чувствовал себя более и менее полноценным человеком. Сняв с себя мокрую одежду, я положил ее на батарею, и пошел в ванную комнату, чтобы согреться в теплой воде. Включив кран, я ощутил то тепло, в котором нуждался всю дорогу домой, и, пытаясь ускорить процесс, набирал воду в руки, обливая свое тело со всех сторон. Незаметно вода заполнила ванну и закрыв глаза, я попытался успокоиться.

Я хотел бы быть гравюрой экспрессиониста, отточенной до последнего штриха. Потаенные уголки его воображения являлись бы зеркальным отражением моего внутреннего мира, не способного проявить себя в полной мере. Мне хочется быть тем, что невозможно и неприемлемо в этом скудном мире, в котором больше не осталось свободного места для чего-то настоящего. В погоне за собственным счастьем, люди срубают гигантские секвойи, живущие в нутре этой планеты более трех тысяч лет. Они не понимают того, что разрушая земную красоту, им никогда не ощутить тепла в собственном сердце.

Цели, преследуемые современным человеком, вне всякого сомнения, аморальны. Я хотел бы оказаться на ветвях того дерева, которое они уничтожают прямо сейчас, рухнув на землю, словно горящий дирижабль. В руке билет с номером тридцать девять и найдя свое место в зрительном зале, я усаживаюсь поудобнее, чтобы полтора часа возвышаться над самим собой. Она вновь там, на сером экране, в котором одни лишь помехи. Я смотрю на ее затылок и мой интерес становится животным притяжением, благодаря которому мне приходится постигать неизведанное. Умоляя ее о том, чтобы она повернулась, я вновь и вновь терпел неудачу. Какие заветные слова мне нужно произнести вслух, чтобы она, поняв мою кровотокающую боль, сделала как я того хочу? Я видел в этом нечто большее, словно она – эта олицетворение жизни,

от которой мы так много требуем и так мало получаем в ответ. Возможно, перестав что-либо требовать, я дождусь чуда, которое мне так необходимо.

1.3

Открыв глаза, я словно очнулся после сна, длиною в жизнь. Во мне проснулись новые силы, а главное – это то, что мне вспомнилось второе четверостишие того старика, выступающего на сцене заброшенного амфитеатра. Я быстро вылез из воды, которая уже к тому времени остыла, и, укутавшись в полотенце, пошел искать какой-нибудь клочок бумаги, на котором я мог бы записать те драгоценные строки. Открыв шкаф, в котором вместо моей одежды лежали книги, мне посчастливилось найти чистый лист бумаги и я перестал бояться, что забуду ту дивную поэзию:

*«В крови ты – жертва преступления,
И терпишь боль, что не унять,
Во мне лишь прочерки забвения,
Я тот, кого нельзя понять».*

Из-за моей бедности я не мог купить себе сменную одежду, поэтому я не спешил одевать на себя то тряпье, в котором мне пришлось кинуться в холодную морскую воду. Посмотрев на свои наручные часы, лежавшие на подоконнике, я лишь надеялся на то, что вторая половина дня пройдет спокойнее, нежели первая.

Каким-то непостижимым образом мне удалось вспомнить продолжение того стихотворения и потому мое желание преодолеть собственное беспамятство становилось для меня все более значимым. Мне нужно было разобраться, что сподвигло меня на тот поступок сегодняшним утром. Открыв верхнюю часть футляра и увидев ее вновь, я не смог не скрыть некое тепло внутри меня, словно это был огонь, который загорался в моей душе лишь тогда, когда она была передо мной. Аккуратно достав тело из футляра, я взял ее на руки и положил на кровать. Пожалуй, единственное, чем можно было оправдать собственные действия – это то, что ее кожа имела нормальную температуру живого человека. Я не силен в биологии, однако, мне всегда казалось, что после смерти человеческое тело излучает невероятный холод, который трудно не заметить. Более того, тело, сердце которого не бьется, а организм перестает работать, начинает разлагаться и источать запах, который просто невозможно переносить. В случае с девушкой, от которой еще несколько часов назад я хотел избавиться, все было по-другому. Незнакомка выглядела так прекрасно, что казалось, она вот-вот должна проснуться и заговорить со мной. Но сейчас, когда ее губы не шевелились а глаза были закрыты, мне не нужно было концентрироваться на той истинной красоте, которой она была наделена. Присев на свое скрипящее ложе, я начал рассматривать каждый сантиметр ее тела, которое пробуждало во мне неумолимое желание прикоснуться к нему. Я же, не до конца осознавая факт ее смерти, был слегка озадачен тем, что мне выпала такая уникальная возможность познать того, кто не в силах сопротивляться. Единственный человек, который мог бы мне помешать – это я сам, и потому, не отрывая от нее своих глаз, я хотел привыкнуть к ней, словно она всегда лежала на этой кровати в полном безмолвии. Ее кожа была такой девственно-чистой, что мне казалось, я был первым и последним человеком, который посмел притронуться к ней. Протянув свою руку к ее ногам, я был очень осторожен, и, посмотрев в ее закрытые глаза, в очередной раз убедился в беспомощности этой девушки. Они были такими гладкими, словно когда-то их безукоризненно высекли из молодой древесины, жаждущей стать предметом вдохновения. В моих руках находилось нечто большее, чем просто девушка. Она была столь изящна, что я начинал сомневаться в прелестях той жизни, в которой все напоминало существование по шаблону. Находясь рядом с ней, я не думал о том, что каждое мое действие можно приравнять к чему-то аморальному и в корне неверному. Что-то внутри меня трепетало, когда я держал

руку на ее нежном теле и я никак не мог понять, что же мною движет. Кровь скользила по моим венам и впервые за мою недолгую жизнь я перестал чувствовать движение планеты. Остановилась ли она на самом деле, или все это плод моего воображения? Я знал лишь то, что у каждого человека своя правда и никто не вправе ее осуждать. Опустив свою голову на постель, я лег рядом с ней и взял ее за руку. Вдруг я начал отчетливо понимать, что пыталось одолеть мой разум в борьбе за самообладание. Это самое чистое и неподдельное чувство, то, чему невозможно научить, но что в силах постичь каждый из нас. Название этому чувству «любовь».

1.4

Очнувшись лишь на следующее утро, я все еще держал ее за руку и, наверное, если бы не голод, разъедающий меня изнутри, мой сон, длиною в ночь, никогда бы не прекратился. Встав с кровати я услышал, как скрипят молодые кости. Пожалуй, мне все-таки довелось устроить себе небольшой отпуск. Город еще спал, и, посмотрев на часы, я убедился в том, что впереди был целый день, который я должен был посвятить работе. Одевшись в черный костюм, насквозь пропитанный морской солью, мне не терпелось что-нибудь съесть, и, набравшись сил, я вновь мог заработать немного денег. Выйдя из своей берлоги, я ощутил некую легкость, которая появилась в моей жизни с сегодняшнего дня. Возможно, я принуждал себя к самообману, приписывая к появлению в моей жизни человека, который к жизни не имел уже никакого отношения, остальные аспекты осмысленного существования. Как бы то ни было, все, что когда-то казалось мне таким сложным, стало простым и ненавязчивым.

На старом рынке торговцы уже разложили свой товар, несмотря на то, что покупателей здесь не часто можно было встретить. Антураж этих мест никогда не менял своего облика. Старый рынок всегда кишел бездомными, спящими здесь по ночам и бодрствующими с самого раннего утра. Их лица вызвали у меня омерзение и все же иногда, глядя на них, мне приходилось понимать, что я находился во всеоружии. Крепко держась за свою виолончель, я лишь надеялся на то, что мне не придется гнаться за человеком, попытавшимся украсть смысл всей моей жизни. Один из тех бедолаг, кочующих на одном и том же месте, ухватился за мою руку.

– У тебя есть деньги? – спросил он, не отпуская меня.

– Нет, моих сбережений не хватит даже на то, чтобы оплатить штраф за неправильную парковку.

От него так разило, что я готов был тут же броситься куда-нибудь подальше от этих мест. Вырвавшись из его грязных рук, я направился к даме со свежими овощами и взял немного на сегодня, завернув все в остатки прошлогодней газеты. Женщина в чёрном фартуке всегда была со мной очень любезна, хоть и не была в состоянии скрыть своей хронической усталости. Уходя со старого рынка я видел, как презрительно смотрел на меня тот бездомный, безнадежно пытающийся отобрать у меня последние монеты. Его помятое лицо чем-то напомнило мне того человека в инвалидной коляске, однако, я решил не придавать этому значения и двинулся в сторону Стокгольмского парка. Массивные деревья, растущие там не первое пятидесятилетие, опускали свои ветви до самой земли, создавая некоего рода туннель, через который проходил каждый житель этого города. Не скрывая своего восхищения, я приходил сюда время от времени, чтобы почувствовать себя частью чего-то большего. Присев на голую землю у нерабочего фонтана, я не мог не думать о той девушке, которая сейчас находилась в моем пристанище. Я не был в силах утверждать, что все мои мысли были только о ней, но я с уверенностью мог сказать, что она в корне меняет мое мировоззрение. Осталось лишь ответить на один вопрос – действительно ли все изменилось или же тонкости моей натуры имеют столь шаткий фундамент, что даже собственное желание все изменить будет обречено на провал? Во время своего завтрака я наблюдал за тем, как город постепенно оживает, словно все, что в нем находилось, приходило в движение. Он был подобен организму, питающимся своим окружением.

Спустившись вниз по лестнице, я оказался в том самом переходе, через который ежедневно проходят тысячи людей. Не смотря на то, что я выбрал себе подобное место в качестве мнимой сцены, мне никогда не доводилось видеть настоящих слушателей, которые бы узрели то, что происходит вокруг них. Если бы не те безнадежные карьеристы, бросающие мне гроши, затерявшиеся в их карманах, я бы уже давно составил компанию бездомным, ночующим на старом рынке. И уж тогда, возможно, дама с овощами не была бы со мной так любезна. Я прекрасно осознавал, что состоявшееся положение в обществе является прямой дорогой

к гнилым сердцам наших горожан, однако, меня это не заботило. Вспомнив о том, что два дня назад я удосужился разрушить свой самодельный стул, мне посчастливилось найти ящик из-под продуктов, импортируемых из стран восточного побережья. При настройке инструмента люди оборачивались в недоумении не понимая, как можно было прийти сюда с отсутствием какого-либо таланта. Насколько глупо и бессмысленно казалось их безразличие с той секунды, когда я на самом деле начинал играть на своей прекрасной виолончели. Во время игры я не смотрел на свои наручные часы, чтобы поинтересоваться, сколько времени я уже находился в этом богом забытом переходе, но меня не могло не удивлять то, как быстро двигались их стрелки, уничтожая драгоценный фактор нашего существования. Мелодия, которую я играл чаще всего, повторяя ее день за днем, с раннего детства терзала мою душу. Когда-то ее написал мой отец, переживающий смерть его матери, и лишь в музыке он мог оставить свою боль, которую я, будучи ребенком, был не в силах понять. Я всегда был в восторге от акустики этого места, словно она, поднимаясь по лестнице, притягивала людей, не желающих признавать талант моего покойного отца, и, одновременно с этим, отталкивала их.

На исходе второго тысячелетия человек погубил в себе все самое сокровенное, лишней раз доказав миру, что время – развращает. Больно представить себе будущее, в котором людьми движут семь смертных грехов, однако, всё развивается именно по такому сценарию. Когда солнечные лучи переставали проникать вглубь подземных коридоров, над моей головой зажигалась флуоресцентная лампа, которая была здесь единственным источником света в темное время суток. Я намеренно начинал играть именно в этом месте, зная об изъёме своей сцены, и отчасти для того, чтобы любым способом добиться внимания, которого мне так не хватало. Дождавшись позднего вечера я, в полном изнеможении, начал собирать свои вещи. Вдруг, свет над моей головой начал постепенно усиливаться, и лампа над моей головой взорвалась от перенапряжения. Оглянувшись по сторонам, я с трудом рассмотрел выход из туннеля. Наощупь собрав свои вещи, я аккуратно зашагал в сторону лестницы. Я был встревожен темнотой, обволакивающей мое тело, однако, глаза, которые быстро к ней привыкли, помогли мне успокоиться.

Поднявшись по ступеням я снова увидел свой город в ночных огнях, освещающих его мертвое чрево. Я чувствовал, как что-то покидает меня, словно ни одно слово, которое я хотел бы произнести, или действие, которое в силах был совершить, не имело никакого значения. Ощувив нечто гнетущее во тьме, в которой присутствовали лишь противоречия, я осознал, насколько я беспомощен и жалок. Мне было неприятно находиться на улице, на которой я бывал уже сотню раз, мне было противно смотреть на свое отражение в лужах, которые я обходил стороной. В тот момент ничего не имело значения и не смотря на то, что я любил ту самую дорогу до дома и те здания, которые стали частью меня, сейчас я чувствовал отвращение. Словно кто-то шепчет мне на ухо, а я, не догадываясь о его намерениях, повинуюсь ему. Я взглянул на небо и увидел луну, заплывшую под хмурые облака. В то же самое мгновение я начал складывать из обрывков своей памяти продолжение того самого стихотворения, которое не давало мне покоя последние дни. Ускорив свой шаг, я быстро дошел до своей берлоги. Аккуратно открыв входную дверь, чтобы проходящие мимо люди не смогли заглянуть внутрь, я бросился к листку бумаги, на котором я записывал все, что я мог вспомнить из той дивной поэзии моего прошлого:

*«В ночи безлунной полыхала,
Звезда, которой больше нет,
Под ней ты молча подыхала,
Прожив так свой остаток лет».*

Когда я находился в этих четырех стенах, ни что не могло меня сломать, и усомниться было не в чем, ведь то место, где мы обитаем впитывает наш характер, словно свежее полотно, на котором остаются все муки и радости настоящего творца. Я не считал себя таковым, и в то же время мне не приходилось отрекаться от мысли, что когда-нибудь меня услышат и голос моего творчества будет звучать в сердцах каждого человека, проходящего мимо меня и мыслящего о том, чтобы поделиться со мной честно заработанными им деньгами. Было ли в этом нечто корыстное или все, в чем я сомневался, было таким же правильным решением, как и заниматься тем, что ты любишь? И было ли решение заниматься тем, к чему лежит моя истерзанная душа, правильным по отношению к самому себе? Порой во мне бурлили эмоции, которые невозможно было остановить, но я не мог что-либо с этим поделать, потому что чаще всего отсутствие предрасположенности к людям распространялось и на меня самого. Пожалуй, самой трудной задачей в моей жизни оставалось – понять себя.

Она лежала на том же месте и ее присутствие давало мне надежду на то, что я, спустя долгие и мучительные годы одиночества, пойму себя и тем самым добьюсь всего, чего хотел бы добиться. Я не сомневался, что вчера, бросившись за ней в море, я поступил правильно, следуя желанию своего сердца. Возможно, я был по-детски наивен, приписывая свои чувства главному органу в моем теле, обеспечивающему ток крови по кровеносным сосудам. И потому, задумавшись над этим всерьез, я открыл свой шкаф в поисках старого учебника по биологии. Перекладывая книги с места на место, я пытался вспомнить, как выглядит та рукопись, которой я посвятил ни один год своей жизни. И несмотря на то, что эта книга не представляла для меня той ценности, сравнимой со старческим изданием «Одиссеи», я дорожил ею, как собственной жизнью. Относившись к книгам, как к близким людям, я не мог швырнуть книгу на пол или позволить ей пролить на себя кофе, не задумываясь о последствиях. Библиотека, которая хранилась в моем шкафу для одежды, значила для меня намного больше, чем жилье, за которое мне приходилось платить, жертвуя продажей музыкального инструмента, некогда принадлежавшего моему отцу. Распознав обложку темно-зеленого цвета я открыл учебник по биологии в поисках термина под названием «сердце». Мною, как и многими другими скитальцами на этой земле, двигал интерес, ради которого я часто был готов на большие жертвы. В этот раз мне не пришлось от чего-то отказываться и, наверное, единственное, что можно было приписать к этому действию, это потеря времени, которое я и без того не умел ценить должным образом. Открыв книгу на правильной странице я вчитывался в каждое слово, впечатанное в пожелтевшую от старости бумагу и дочитав до самого конца, я убедился в том, что в этой статье, посвященной главному органу человеческого тела, ни разу не было упомянуто слово «любовь». Это стало для меня столь печальным открытием, что я потерял дар речи, восприняв себя самым первым приматом на этой планете. Как же быть со всем тем невероятным литературным богатством, которое то и дело твердит о том, что любовь живёт в нашем сердце? Прочитав эту статью, можно было перестать восхищаться неземной поэзией Гёте, и прекратить почитание наследия, доставшееся нам от Уильяма Шекспира.

Весь мир – это нечто, что никогда не будет упорядочено, это место, где всегда будет царить хаос. А сами понятия «добра» и «зла» были осквернены и забыты. Всею виной людская натура, не имеющая каких-либо предпосылок к организованности и постоянству.

Я прекрасно понимал, что мне нужно было в тот момент, а именно лечь рядом с ней, и увидеть новый сон, который повлияет на меня больше, чем все то, с чем я имею дело в реальной жизни. Завтрашний день, который я собирался провести рядом с этой девушкой, будет новым открытием, о котором я всегда знал, но боялся себе в этом признаться. Я смотрел на нее глазами музыканта, пытаюсь найти в ней ту самую мелочь, благодаря которой я смог бы озвучить ее красоту, однако, это было невозможно. Будь я поэтом или художником, моя задача была бы куда проще, но я не мог и не желал быть другим и ясно осознавая это, я понимал, что моя страсть бесконечна.

1.5

Из-за частых криков за стеной мой сон мог прерваться на самом интересном месте, но сегодня, не услышав ни единого звука, я проспал в своей мягкой постели до самого полудня – настолько приятно было просыпаться по утрам, чувствуя то неземное тепло и осознавая, что твоя левая рука находится на ее мягкой груди. Когда я прикасался к ее телу, я забывал обо всем и вся, и, как никогда раньше, жил настоящим. До того момента, как она ворвалась в мою жизнь мне было так сложно сконцентрироваться на происходящем вокруг меня, на людях, пытающихся донести до меня очередную правду бытия, что порой мне казалось, что я никогда не постигну всех тех радостей, ожидающих меня в недалеком будущем. Как странно было осознавать, что птица, за которой ты так долго гнался, всю жизнь была в твоих руках, ожидая того, чтобы твои сплетенные пальцы наконец-то разжались. Я готов был поклясться, что в этой комнате, где окна и двери всегда были намертво заперты, я ощутил глоток свежего воздуха, странствующего где-то на вершине безымянной горы, и глубоко вдохнув, мне хотелось умереть от того, что впервые за всю свою жизнь я почувствовал себя счастливым. Притрагиваясь к ее нагому телу и следуя взглядом за своей же рукой, я не думал о взаимности чувств, которые по одной простой причине не могли быть взаимными. Мне не доводилось думать о том, что ее душа находится где-то в этой комнате и не может смотреть на то, что происходит с ее телом. Единственное, чего я по-настоящему боялся – это того момента, когда мне придется расстаться с ней, и, как бы мне ни хотелось это признавать, я знал, что этот день скоро наступит.

В моей берлоге не было ничего, чем можно было бы разбавить это утро, и, если хорошо присмотреться, то единственной вещью, которая могла заставить тебя остаться здесь на целый день – это книга. Не могу не заметить, что порой то пространство, где мне приходилось быть большую часть своего времени, отдавало неким уютом, который не давал тебе думать об иных вариантах. Однако, время от времени я замечал, что несколько квадратных метров жилой площади заполнены мебелью, за которую приходилось платить, так как они являлись частью договора. Из-за столь ущербного положения вещей, у жильцов, которые были вынуждены здесь обитать, психика очень быстро сводилась на «нет». Я никогда не понимал, к чему здесь столько бесполезной мебели, которой, я уверен, не пользовались жильцы этого блока. И в то же время, освободи мне то место, которое сейчас занимает это старое кресло, я не стану счастливее и не использую его в качестве площади для занятия йогой. Умывая лицо, я смотрел на своё отражение и видел, как прозрачные капли воды сползали вниз по моей физиономии. Некоторые из них оставались на моей коже, делая ее более влажной, однако, как бы я ни старался, вода никогда не могла стать частью меня, не смотря на то, что я мог почувствовать обратное. Освоившись в углу у входной двери, я взял в руки «Мистерии», некогда написанные одним прекрасным норвежским писателем по имени Гамсун Кнут и принялся за чтение книги, о которой так много рассказывал мне мой отец. Когда в моих руках оказывалась очередная рукопись, мне приходилось сидеть на одном месте целыми днями, чтобы не упустить ни единой мелочи, ради которой автор перечеркнул целые горы рабочего материала. Каждое предложение, свитое в нескончаемые потоки мыслей и рассуждений, давало мне уникальную возможность впервые приобщиться к скандинавской культуре, о которой я ничего не знал. Изредка поглядывая на тело, будоражащее внутри меня целую гамму эмоций, я все чаще отвлекался от книги, напоминая мне первый из недописанных романов Франца Кафки. Настроение было противоречивым, и, становясь частью истории, я воспринимал атмосферу книги как очередной способ понять себя. В такие моменты, сохраняя безмолвие собственного тела, мне приходилось кидаться из стороны в сторону, чтобы вновь ощутить свою беспомощность.

Я смотрел на ее лицо, которое говорило больше, чем все рукописи, подарившие мне бесценные воспоминания. И вдруг что-то изменилось. Это было трудно описать словами и я дол-

жен был избавиться от сомнений, которые так быстро проникли в мое сознание. Положив книгу на пол, мне захотелось приблизиться к ней, чтобы вновь прикоснуться к ее коже и почувствовать тепло, в котором я так нуждался все эти годы. Дотронувшись до шеи, словно до полотна, на котором еще не успела высохнуть краска, я не мог поверить в то, что ощутил. Ее прекрасное тело начало излучать невообразимый холод, и, к сожалению, я знал, что за холодом последуют более веские причины избавиться от трупа в комнате, которая была для меня единственным безопасным местом на планете. В тот момент, сгибая ноги лишь наполовину, мне хотелось рухнуть на пол, как одно из тех срубленных вековых деревьев, поддавшихся неизменной человеческой натуре. Из-за того, что мне показалось, будто меня тотчас же стошнит, я побежал к раковине, и, упираясь в нее руками, выдавливал из себя прозрачную желчь. Я чувствовал свои ребра, которые в скором времени должны были разрезать мою кожу из-за невыносимой худобы, а рвотные рефлексы лишь усугубляли мою ситуацию. Мне нужно было взять себя в руки и решить, что делать дальше, потому что единственное, чего я не хотел – это видеть, как красота, подвластная лишь мне, начнет саморазрушаться. В голову приходили разные мысли, но я остановился на том, чтобы вновь взять в руки книгу с темно-зеленой обложкой, и найти статью о трупных явлениях. Несмотря на то, что на черно-белых страницах не было ни единой фотографии, которая показывала бы разложение трупа воочию, я словно видел те ужасы, о которых мне приходилось читать. Чем больше страниц я прочел, тем меньше мне хотелось сидеть на месте в ожидании того, что ситуация, в которой я оказался, разрешится сама по себе.

«При положительной температуре внешней среды трупы разлагаются очень быстро. Чтобы замедлить процесс разложения, труп необходимо поместить в воду. В земле этот процесс происходит медленнее всего».

Я уяснил для себя, что единственное, к чему я мог прибегнуть, так это поместить ее в воду. Я взял девушку на руки и перетащил ее тело в ванну. Когда она была так близко, у меня возникало некое чувство, будто она крепко спит и я несу ее в то место, где она увидит свой очередной сон. Как жаль, что все, чего мне так хотелось от жизни, было недоступно. Аккуратно положив ее голову на обрамление ванны, я включил трубопроводный кран и смотрел, как она стремительно утопала в поглощающей ее воде. Дождавшись того, чтобы емкость была полностью заполнена, я разделся догола, и лёг с другой стороны, сплетая свои ноги с ее телом. Кажется, мне все-таки удалось успокоиться, однако, я сильно сомневался в том, что «сегодня» будет последним днем моих беспокойств. Я никогда не был человеком, который ждет от жизни лишь то, что он надеялся от нее увидеть, и все же нельзя было отрицать тот факт, что мне приходится думать об этом каждые пятнадцать минут моего гиблого существования. За окном, открывающим для меня все больше замкнутого пространства, шел дождь и мне казалось, что, несмотря на крышу над головой, он проникал в мою берлогу, в которой и без того было холодно. Я опустил голову чуть ниже, чтобы тело полностью погрузилось в воду, и закрыл глаза, чтобы не занимать себя пустыми надеждами.

Я почувствовал страх на ощупь, прикасаясь к нему, словно к чему-то живому. Вытягивая руки вперед, мне лишь хотелось понять его, увидеть, в каком облике оно явится ко мне на этот раз. Мои глаза были закрыты, но я узрел ту картину, которую должен был увидеть. Это место было для меня столь знакомым, что оглядываясь по сторонам, я мог предвидеть каждую мелочь, встречающуюся на моем пути. Здесь всегда было так тихо, что каждое мое движение могло вызвать волновой эффект, и вся та гармония, которая царила здесь ни одно десятилетие, превратилась бы в очередной неправдоподобный миф. В этом темном и глубоком лесу, где солнечный свет пробивается сквозь деревья, освещая дорогу из мха и насекомых, стояла старая лошадь. Она была такая высокая, что ни один человек не осмелился бы забраться на нее. В ее больших глазах, в которых свет отражался лишь тогда, когда она поворачивалась к нему лицом, я чувствовал тревогу, которая трепетала в ее огромном сердце. Я слышал, как

быстро оно стучало, словно через несколько секунд, разорвав лошадь на части, оно должно было вырваться из ее тела, убив животное так же быстро, как и вознаградив ее жизнью. Она стояла на месте, поднимая свою голову вверх, как будто что-то мешало ей сделать заветный шаг вперед. Посмотрев на ее ноги, я увидел, что лошадь утопала в грязи. Тело, которое сливалось воедино с поглощающей ее землей, погружалось все ниже и ниже и было такое чувство, что даже тьма, не покидавшая эти места на протяжении многих поколений, пыталась забрать животное с собой. Всматриваясь в глаза размером с неспелое яблоко, я чувствовал боль, разрушающую это существо изнутри. Всё, на что я был способен, это смотреть, как она медленно уходит под землю, словно в ней находилось то, что так давно хотело овладеть несчастной лошадью.

Я очнулся лишь тогда, когда понял, что полностью ушел под воду, и, вынырнув из нее, начал жадно глотать воздух, крепко держась за края ванной. Видение было столь устрашающим, что мое сердце до сих пор колотилось от страха, хотя, возможно, всему виной была моя незапланированная попытка суицида. Здраво взглянув на ситуацию, сложившуюся со мной, было странно осознавать, что я боялся потерять человека, который уже умер. Ее присутствие в моей жизни являлось главной причиной моих беспокойств, и, более того, лишившись той красоты, которой она была наделена, я вновь буду плыть по течению, несущему меня в пропасть. Я не мог допустить того, чтобы она начала разрушаться на моих глазах, словно предмет искусства, подвергшийся влиянию времени. Мне никогда не услышать ее голос, который мог бы озвучивать лучшие композиции, написанные задолго до ее появления и мне никогда не узнать ее характер, с которым мне, возможно, было бы трудно смириться. Всё это было для меня недоступным, но, несмотря на это, я почувствовал что-то внутри себя, что-то, что люди привыкли называть «любовью». Мне не нужно было большего – я просто хотел сохранить то, что у меня есть и то, благодаря чему мне посчастливилось сдвинуться с того места, на котором я так долго находился. Однако, чем больше мыслей приходило в мою голову, тем запутаннее становились мои неразрешимые проблемы. Через несколько минут я выбрался из ванной и укутался в полотенце. Делая очередной шаг вперед по кривому полу своей комнаты, я повторял слово, из-за которого люди отдавали собственные жизни. Если все, что кроется за ним, окажется лишь иллюзорной реальностью, мне пора приставить дуло пистолета к виску. С другой стороны, если посмотреть на это под другим углом, кто определяет «правду» как нечто истинное, а «ложь», как в корне неверное? Повторяя беспощадное слово «любовь», я переставал видеть в нем какой-либо смысл и лишь спустя мгновение, взяв в руки тот самый лист бумаги, я вспомнил, какими словами заканчивалось то злополучное стихотворение. Голос старика, взошедшего на сцену амфитеатра в тот вечер, звучал из моих уст:

*«С презрением дни те вспоминаю,
С любовью в сердце берегу,
Того, кого не понимаю,
И ту, чей труп я стерегу».*

Я смотрел по сторонам, обращая внимание на разные мелочи, которые помогали моей берлоге обрести целостность, и, впервые за долгое время проживания, мне не хотелось оставаться в этих четырех стенах. Что-то начинало отталкивать меня от жизни, о которой я так много знал. Словно сами стены надвигались на меня со всех сторон, и единственное, что было в моих силах – это сбежать отсюда как можно скорее. На часах было без двадцати двенадцать, но даже время, которое шло на удивление быстро, не могло мне помешать. Я стремительно надел свой костюм, и, вспомнив, что теперь она лежит в заполненной ванной одна, опустил ее голову на дно. Накинув на свои плечи черное пальто, я выключил свет и покинул свою комнату, встретив новый день под лунным светом.

1.6

Проведя всю ночь в скитаниях по знакомым мне бульварам, я ни на секунду не сомкнул своих глаз. То ли из-за того, что на улице было так холодно, то ли потому, что у меня в квартире находился труп молодой девушки, который медленно начинал разлагаться. Я не мог сказать, что все время, проведенное в городе, я думал только о ней, ведь стихотворение, которое больше не занимало мою голову, напомнило мне о тех местах, где я вырос и о том, какое нелегкое детство подарила мне судьба. Мне вспоминались лица людей, которых я когда-то видел изо дня в день, и старые детские площадки, пустующие из-за демографических проблем. Как странно было мысленно к этому возвращаться, учитывая то, что когда-то ты так усердно пытался стереть это из своей памяти, надеясь никогда к этому не вернуться. Рассвет, который я, по никому непонятным причинам пропустил мимо своих глаз, заставил меня всерьез задуматься о том, что мне стоит побороть себя во благо моих стремлений. Я нуждался в том, чего никогда не делал, и во мне не было сомнений: я знал, что мне это по-настоящему необходимо. Мне нужно было найти человека, которому я бы мог выговориться и задать те вопросы, что терзали меня в последнее время. Установить с кем-либо контакт всегда было моей главной неразрешимой проблемой, но, несмотря на это, я не был аутистом, который не может решиться на подобное по собственному желанию. Поэтому, единственное, что мне нужно было сделать, это разыскать того, кто смог бы меня выслушать и того, кому я в свою очередь мог бы рассказать о своих неудачах в мельчайших подробностях.

Ранним утром, спускаясь от величественного входа в Большой Театр Оперы, я считал ступени. Мне, находясь так высоко над уровнем земли, не удалось разглядеть ни одного человека, который мог бы стать моей потенциальной жертвой. Решив, что дорога сама приведет меня к тому, кто меня выслушает, впереди я увидел тот самый костел из красного кирпича, возле которого я встретил странного человека в инвалидном кресле. Туман, незаметно появившийся в городе этим утром на поверхности земли, начал быстро рассеиваться, превращаясь в быль, в которую никто никогда не поверит. Я стоял перед входом в помещение, в котором всегда царил покойствие, и меня беспокоило лишь то, чтобы мой внутренний мир не нарушил той атмосферы, которая присутствовала здесь все эти долгие годы. Открыв тяжелые двери костела, мне вспомнилось, как я впервые в своей жизни посетил стены божьего храма. Сколько незабываемых впечатлений подарил мне тот день, когда я стал единым целым с богатством, окружающим меня со всех сторон. Проходя меж гигантских колон, поддерживающих жизнь этого многовекового здания, я дотрагивался до них, заранее зная о том, что буду ощущать ледяной холод драгоценного камня. Он же стал неотъемлемой частью данной конструкции, будоражащей мой дикий интерес ко всему прекрасному, что я когда-либо встречал. Впечатления, оставшиеся во мне еще с раннего детства, и те, что зарождались в моем сердце в тот день, сплетались воедино. Я копировал собственные движения, и мимику своего лица, не подозревая о том, что спустя так много лет в моей душе будет все тот же беспорядок, утихомирить который я мог лишь благодаря чему-то неземному. Музыка, не смолкавшая ни на секунду, не могла оставить столь обширное пространство духовного равновесия в тишине, которая наступала лишь тогда, когда это было нужно. Когда она все-таки наступала, мне хотелось пустить одинокую слезу, которая упала бы на каменный пол в знак того, что эти стены возвели не напрасно. Однако, какие бы чувства ни овладевали мной, спустя мгновение я не находил себе места из-за того, что внутри меня сидел человек, жаждущий совершенно противоположного. Он скреб по мне, словно по древесине, оставляя в своих пальцах кровавые занозы, и я, не по собственной воле, оказался по другую сторону баррикад, где все то, что вызывало у меня подлинный восторг, выглядело отвратительно. Изображения святых, окружавшие меня со всех сторон, кричали о том, чтобы я убырался отсюда, как можно скорее. Их глаза впадали в череп, оставляя

на их месте черные воронки, как будто нечто демоническое и воистину страшное вселилось в их образы, которые давали людям нескончаемую надежду. Я знал, что вопиющий крик, из-за которого мои колени начали дрожать, звучал лишь в моей голове, но это не делало его менее реальным. Больше всего на свете мне хотелось уйти оттуда, как можно скорее, но я знал, что зайдя в конфессионал, я погружусь во тьму, в которой человек, приближенный к чему-то светлому, выслушает меня и поможет обрести покой.

– Святой отец, я хочу покаяться в своих грехах.

Казалось, я чувствовал запах этого старого человека, сидящего по другую сторону конфессионала. Перед тем, как священник начинал что-либо говорить, он причмокивал своими губами и этот звук, вызывающий во мне скрытое омерзение, я слышал так отчетливо, как будто старик находился в нескольких сантиметрах от моего левого уха.

– Что тебя беспокоит, сын мой?

– Вот уже несколько дней к ряду я не чувствовал себя более счастливым. В моей жизни появился человек, благодаря которому одиночество, терзающее меня все эти годы, скрасилось его присутствием.

Вдруг я остановился, не зная, о чем мне дальше говорить.

– Разве это не должно тебя радовать? – спросил он меня без капли удивления.

– Проблема в том, что этот человек вскоре должен меня покинуть.

Внутри было так темно, что, взглянув на собственную ладонь, я не мог разобрать линии, название, и значение которых я так и не узнал. Свет исходил лишь от щели между полом и ширмой, благодаря которой тьма, создающая здесь полное уединение с самим собой, помогала человеку сосредоточиться на проблемах, гложащих его изнутри. Несмотря на все условия, созданные специально для приходящих сюда людей по понятным мне причинам, я смотрел на свои грязные башмаки, которые вновь нужно было подбить гвоздями.

– Сам ли он принял решение оставить тебя в одиночестве?

– Нет, святой отец.

– Порой люди не в силах понять промысел господний. Человек видит лишь то, что есть здесь и сейчас, не догадываясь о том, что одно горе может привести к целому ряду счастливых событий, украсивших его грешную жизнь.

Пожалуй, прилагательные, имеющие религиозный подтекст, зачастую резали мой и без того безнадежный слух. Его качество всегда снижалось после того, как я спускался вниз по лестнице, некогда поднявшей меня на сцену, где я, в поту и горячности собственной страсти, рвал струны во время очередной игры.

– Объясни мне, в чем дело, и, возможно, тогда я действительно буду в состоянии тебе помочь.

И на мгновение я осознал, сколь ужасен факт того, что я, внешне непривлекательный мужчина средних лет, делю свою кровать вместе с трупом молодой девушки. Расскажи я об этом священнику, он просто мне не поверит, или, более того, проклянёт, и провозгласит антихристом. Решив не говорить ни единого слова напоследок, я вышел из конфессионала и направился к дверям, через которые ежемесячно проходят тысячи людей, затерявшихся в собственном «я».

– Сын мой, – окликнул он, в надежде остановить меня и увидеть подлинное лицо человека, скрывавшегося во тьме.

– Я не ваш сын, – ответил я ему, все также целеустремленно направляясь к выходу.

Отчетливо слушая мольбы здешних святых, изображенных на стенах католической церкви, я вышел из здания цвета красного вина и побрел по знакомым мне улицам, которые всегда казались мне чужими. Не поднимая своих бестыжих глаз, я пытался уберечь себя, прекрасно понимая, что все мои попытки избежать какого-либо контакта с проходящими мимо людьми, берут своё начало из детства. Последние дни мне довольно часто приходилось вспо-

минать город, создавший из меня чудовище в человеческой плоти, и потому печаль начинала разрывать мое исхудавшее от голода тело на части. Несмотря ни на что, я все-таки продолжал бессмысленное движение по городу, в надежде найти решение своей проблемы. Свернув влево на двадцать четвертой улице, я решил зайти в книжный антиквариат, чтобы вновь убедиться, что ни одну из найденных там мною книг я не смогу купить. И все же я видел в этом некую подлинную ценность и верил, что вновь прикоснувшись к этим потрепанным рукописям и впитав в себя запах пожелтевших страниц, я стану немного лучше. По крайней мере, невзирая на мое пагубное положение в обществе, я оставался собой – человеком, хронически испытывающим интеллектуальный голод. Зайдя, наконец, внутрь, я успел заметить, как улыбка хозяина, адресованная очередному покупателю, расплатившемуся за товар, сменилась строгим выражением лица после того, как он увидел меня в дверном проеме своего магазина. Из-за того, что я начал приходить сюда раз в неделю и вожделенно перебирать книгу за книгой, не кладя в его карман ни единой монеты, он перестал относиться ко мне так, как относиться к людям, приобретающим его бесценный товар. Однако меня не смущало его пристальное внимание ко мне и, вопреки ожиданиям хозяина антикварной лавки, я не переставал посещать эти четыре стены, в которых смогло уместиться столько прекрасного.

– Могу ли я вам чем-то помочь?

Я впервые услышал его голос, в котором каждое слово сплеталось воедино, и мне потребовалось какое-то мгновение, чтобы осознать, что он на самом деле хочет этим сказать. Я был растерян, словно мальчишка, впервые совравший своему отцу.

– Вы это мне? – спросил я его, оглядываясь по сторонам, и понимая, насколько глупым оказался вопрос, заданный в помещении, где было всего два человека.

– Да, черт возьми. Думаешь, раз уж я провожу здесь по несколько часов в день на протяжении многих лет, то позволю себе заговорить с книгами?

Вены цвета морского дна вздулись на его лысеющей голове, жестикуляция становилась все более острой, а сам он за эти несколько секунд успел подойти ко мне так близко, что я почувствовал на себе, как каждое воспроизведенное им слово сопровождалось неконтролируемой гиперсаливацией.

– Я просто не заметил, что мы здесь одни, – ответил я, с раздражающим его еще больше, спокойствием.

– Пошёл прочь из моего магазина.

Выйдя из здания времен первой мировой войны, я окончательно убедился в том, что мне здесь всегда были не рады. На улице было прохладно, и осенний ветер, становясь все более безучастным, то поднимал, то вновь опускал опавшие с деревьев листья. Разнообразие цветов, которыми они обладали, не восхищали меня, однако, все они в данный период времени были неотъемлемой частью этого города. Будь я художником, писавшим картину этих мест, – я бы изобразил мокрый асфальт, сливающегося с оттенками безукоризненно лежавших на нем листьев, создавая тем самым иллюзию дороги, на которой был пролит ни один литр акриловой краски. Идя по прямой, я незамедлительно вышел к бульвару культуры, который был особенно пуст в эту капризную пору года. На почти голых деревьях, посаженных некогда в две параллельные прямые, практически не было птиц, за исключением нескольких ворон, ищущих, чем бы поживиться после длительных полетов над проклятым городом. Проходя мимо, я словно чувствовал на себе их бездушные взгляды, которые, как и людское любопытство, не давали мне покоя в этом огромном мире.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.